

— Дмитрий Петрович, для простоты все же буду называть Вильяма Генриховича Фишера полковником Абелем. Почему именно он стал как бы символом нашего разведчика-нелегала? Что же нужно было добиться и что совершить, чтобы войти в легенду и получить за это у американцев 30 лет тюрьмы?

— Дать огромную отдачу — государственную, научно-техническую, политическую. Перед ним поставили три задачи. Первая, главная: выявлять степень возможности вооруженного конфликта с США. Далее — создать надежные нелегальные каналы связи с Центром, с тем чтобы исключить использование разведкой официальных советских представителей. И третья — добывать любую полезную информацию, представляющую интерес для разведки по вопросам внешней политики, экономического положения и военного потенциала Соединенных Штатов. И Марку это удалось. Въехав в Штаты в 1948-м, он уже в 49-м получил орден Красного Знамени.

— Вы хотите сказать, что дал отдачу моментально?

— Я вам объясню так: легализация — вопрос очень деликатный. И если она проходит быстро, это уже большое достижение.

— А если еще поконкретнее: что было дальше? И почему этот псевдоним — Марк?

— Его он взял сам. Просто для сокращения. Быстро, коротко, очень удобно. Марк поддерживал контакт с руководством группы «Волонтиры» — с гражданами США Луисом и Лесли. Это сотрудники нашей внешней разведки Морис и Леонтина Коузны. Известны как Питер и Елена Крогер и сумели обеспечить передачу всей секретной информации о разработках американской атомной бомбы, проводимых в лабораториях атомного центра в Лас-Аламосе.

— Как такое могло удасться? Наверняка городок этот был засекречен не хуже нашего Арзамаса-16.

— Тем не менее они поддерживали связь с учеными. Иногда все проходило гладко, но случалось и срываться. Город действительно закрытый, режим в нем строжайший, и проживали там только научные работники да больные, лечившие легкие. И еще те, кто непосредственно создавал атомную бомбу. А на Лесли, туда попавшую, выходит, наконец, с важными данными источник информации. И вдруг перед отъездом, уже при посадке в поезд — проверка пассажиров и багажа. У Лесли все спрячено в коробочке из-под салфеток. Она женщина находчивая, тут же сымитировала насморк, вытащила салфетку. И когда ее вещи начали смотреть, сунула эту коробочку прямо в руки проверяющему. А сама роется в своих вещах и дорывается до того, что поезд трогается. Ее быстро подсаживают, и проверяющие машинально, на ходу, отдадут ей коробку.

— И Абель имел непосредственные контакты с этой группой?

— Какие контакты? Они ему подчинялись, были у него на связи.

— Значит, он — одно из главных действующих лиц?

— Руководитель группы.

— То есть именно Марк направлял действия тех, кого в Штатах называли «русскими атомными шпионами»? Ведь супругов Розенбергов, с которыми, как считает тот же Донован, якобы были связаны Коузны, казнили на электрическом стуле. Правильный я делаю вывод?

— Выводы — за вами. А Коузнов мы тогда вытянули из тюрьмы. Успели их вывезти. Выручали через Польшу. И Марк был выехав. Если бы его связанной Вик Хейханен не отправился бы после встречи в Париже с нашим сотрудником прямо в американское посольство.

— 57-й год — время еще суровое. После ареста вы не потеряли доверия к Марку?

— Абсолютно нет. Не было никаких сомнений. Какая потеря доверия, когда дело продолжало крутиться и многие его люди оставались на местах.

— Но почему тогда страна

Воск. правда. -1993, -10 июля. -с.3.

ПРАВДА ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ

Полковнику Дмитрию Петровичу ТАРАСОВУ—80. Позади три инфаркта и десятки лет службы во внешней разведке. В истории полковника Абеля Дмитрий Петрович — фигура неждогажная: сначала вызволял разведчика из американской тюрьмы, потом был начальником.

В этом виде на жительство, выданном Вильяму Фишеру в 1931 году, много правды. Кроме главного. В графе «основная профессия» значится — элентромонтер.

отказалась от Абеля? «Литгазета» опубликовала статью со знакомым припевом: никакая разведчика, силовая провокация американских спецслужб. Не слышном этическом.

— Может быть. Особенно сегодня. А возьмите срез времени, тот период — какие были отношения со Штатами? Но наш отдел начал искать возможности.

— Как ваш отдел назывался?

— Сложно. Он наш, внутренний. После возвращения в нем до последних дней работы и Вилли.

— И в нашей печати, и в зарубежной утверждалось, что Абеля обменяли на летчика Пауэрса плюс еще одного из разведчика только благодаря усилиям ФБР и семьи Пауэрсов, обратившейся и к Хрущеву, и к Кеннеди.

— Пусть говорят что угодно. Занимался этим наш отдел: три года шла такая возня, были исписаны горы бумаги. Я возглавлял группу.

— ...Ну вот в Восточном Берлине вы наняли адвоката.

— Еще до того товарищи из нашей службы нашли в Дрездене женщину — якобы родственницу Абеля, и на адрес этой фрау начал писать из тюрьмы Марк. Внезапно американцы в переписке отказали.

— Адвокат Донован в книге «Незнакомцы на мосту» намекает, будто в своих письмах Абель ухитрился передавать секретные данные даже из камеры.

— Они просматривали его письма и так и этак, но никакой тайнписи, никаких данных. Абсолютно чистые письма. Однако обмен затягивался.

— Не потому ли, что раньше таких обменов не было?

— Такие обмены в принципе были. Но американцы тянули. Какие-то надежды перевербовать Марка, завязать с нами игру. Даже сам адвокат Донован, когда Вилли сидел в тюрьме Атланты, к этому попытался приложить руку. Между прочим, адвокат до последнего момента не верил, что имеет дело с настоящими родственниками Абеля. Когда в Берлин при-

ехали жена и дочь Вилли, он к переговорам с ними отнесся настороженно.

— Возможно, имел какие-то основания? Ведь фигурировал там и некий кузен Дривс.

— Кузен Дривс был наш оперативный сотрудник Дроздов. Немецким он владел в совершенстве. Потом Юрий Иванович стал руководителем всей советской внешней разведки.

— Дмитрий Петрович, известно, что обмен или размен Абеля на Пауэрса проходил на берлинском мосту Глинике. Вы не помните подробности?

— Пауэрса привезли из Москвы и поместили в прекрасном особняке. А нашего американца засунули в какую-то клетуху — холод страшный. И вышел к нам Вильям Генрихович такой худющий... А прежде чем выпустить на мост, всю одежду у него распотрошили: искали чего-то. Резали, кромсали пиджак, брюки. Прямо из тюрьмы выпустили и все равно боялись. Ну вышли на мост по три человека с каждой стороны, и произошел об-

Воск. правда. -1993, -10 июля. -с.3.

Банионис ничего не знал, но играл прекрасно

Донатас БАНИОНИСА мы разыскали в Паневежисе. Актер, исполнивший в 1968-м роль разведчика Ладейникова в фильме «Мертвый сезон», отвечал на наши вопросы, заданные собкором «КП» по Литве Владимиром Заровским, с легкой ностальгией.

— Скажите, Донатас, а вы были знакомы с полковником Абелем лично?

— Я абсолютно честно говорю вам, не знаю об Абеле ничего. Видел его издали единственной раз на премьере «Мертвого сезона».

— А с его коллегами познакомиться довелось? Ведь были же наверняка у фильма консультанты.

— Я этих консультантов-разведчиков не встречал. Хотя был один: приехал на съемку, когда мы снимали обмен на мосту. Мне этого человека показали и сказали, что это Конон Лонсдейл и, якобы, я его играю. Он вернулся в Советский Союз и, рассказывали, пишет свои мемуары о том, как работал там. Я Конону говорю: «О, Господи, вы совсем не похожи на разведчика». Действительно, он такой не киношный. Конон посмеялся и ответил, что ка-

кой бы он был разведчик, если бы был похож. И говорит мне: «Вот вы такой же». Это его замечание стало для меня как бы утверждением, что я смогу сыграть то, что мне приятно: судьбу человека. Но режиссера Савву Кулиша консультировали, контакт он и сценарист Владимир Вайншток с разведчиками имели. Потому что, когда я что-то спрашивал, мне отвечали: «Да, твой прототип говорил то-то и то-то».

— И как вам в том фильме игралось? Роль по давним временам была не из обычных.

— Сценарий был написан, как боевик. Но так играть я не согласился. Мне показалось, что важнее показать человека, который действительно пережил большие потрясения. Был разведчиком, его поймали, посадили в тюрьму, потом обменяли, и он вернул-

ся. История трагическая. Играть мне было интересно. И мы стали менять сцены, которые были в сценарии. Стали снимать отдельными кусками не то, что написано, а то, что предлагал: не героическую ситуацию, а судьбу пострадавшего человека, которому трудно, который еще не знает, что его ждет после возвращения домой. Это ближе к жизни и правде. И в «Мертвом сезоне» мне было очень хорошо играть: режиссеры сильные, партнеры тонкие. И героический сценарий мы переделали в человеческий. Был даже момент, когда после просмотра снятого материала руководство «Ленфильма» хотело закрыть картину, а меня с роли снять.

— Но почему?

— Дескать, я не героический тип, а простой человек, которого народ не полюбит. Художественный же совет решил оставить все, как есть. И потому я вспоминаю «Мертвый сезон» с удовольствием. А был там Абель или Лонсдейл, меня не интересует.

мен. Потом купили Вильяму Генриховичу одежду. Хороший прием — и в поезд. Встречаем его на Белорусском вокзале: «Ну что, Рудольф Иванович?»

— И что Рудольф Иванович? Выступал перед коллегами, славил профессию. А что было за всем этим? Как сложилась жизнь дальше?

— Жизнь Вильяма Генриховича прожил интересную. В органы разведки поступил в 1927-м, а умер в 68 лет в 1971-м.

— Вы с ним дружили?

— Ну как же, он находился непосредственно у меня в отделе. С этим высокопорядочным, интеллигентным и образованным человеком мы были рядом, вместе. Даже коллег, привыкших к дисциплине, поражала его пунктуальность и полнейшая выдержка. Не припомню, чтоб он хоть разок вспылал, разнервничался. И такой характер, что никогда ни на что не жаловался. Терпеть не мог трепачей. Физически не переваривал пьяниц.

— И сам не пил?

— Очень мало. Только в самые праздничные дни.

— Дмитрий Петрович, а возвращение после 14 лет отсутствия было хоть как-то отмечено?

— Отмечено орденом боевого Красного Знамени. Наш министр пообещал дать ему трехкомнатную квартиру. И Вилли поразил всех. Сказал, что трехкомнатная ему не нужна: есть две комнаты и еще дача от отца осталась.

— Такое, спорю, случилось в истории ваших славных органов впервые.

— Он был не материалист. Проблемы быта, вещей не волновали. Вот вам штрих. В Штатах у него были личные накопления — около десяти тысяч долларов. И эти деньги американцы у него забрали. Как-то я говорю: «Слушай, Вилли, все-таки пропала крупная сумма денег. Может, поставит вопрос? Какую-то компенсацию здесь дадут». Отказался категорически. Одевался скромно: плащик, беретик. Товарищи подсакивали жене: «Что он у тебя ходит в одном костюме? Надо бы новый». А Вилли удивился: «Зачем? Ведь у меня уже есть».

— Дмитрий Петрович, а как было с работой? Человек, уехавший еще при жесточайшем сталинизме, возвращается в совершенно новую жизнь. Как он все это воспринял?

— Спокойно. Вы одного не понимаете: Фишер, или, как вы говорите, Абель, служил не режиму, а Родине. Вилли приехал — его сразу: «К медикам, и пусть отдыхает». А он: «Чего там, я здоров». Правда, месяц пробыл в госпитале, но даже от санатория отказался. Скучно ему там было. Принял его Семичастный, наш тогдашний руководитель, и он приступил. Встречался с молодыми работниками. Занимался их подготовкой, инструктажем.

— И за подготовку вашей чекистской смены ему вручили орден Ленина?

— Пугаете. Орден — после войны. Фишер был в подразделении, которое занималось заброской нацих в тыл противника. Он обучал радиоделу, агентурной работе.

— Скажите, Дмитрий Петрович, а вы никогда не говорили по душам?

— Говорили.

— И что рассказывал Вильям Генрихович о тех своих годах — с 39-го по 41-й, когда от работы в органах он был отстранен?

— Говорить об этом у нас было не принято.

— Вы не обижайтесь, вопрос-то естественный. Человек мог отчаяться.

— Он отчаялся: не брали никуда на работу. Написал письмо в ЦК. И только тогда взяли на завод инженером.

— Дмитрий Петрович, и еще из той же серии. Имя Абеля превратилось в легенду, однако ваш подчиненный так и оставался полковником...

— ...Было представление на генерала перед его болезнью. Не успели, к несчастью.

Беседу вел Николай ДОЛГОПОЛОВ.

Фото из архива внешней разведки и автора.